

Предисловие к российскому изданию

Идея написать книгу, целиком посвященную работе в LAB, обдумывалась мною уже давно. Главный аргумент против хорошо сформулировал Дэвид Бидни в своем предисловии: это трудная тема, да и много ли найдется людей, настолько ею заинтересовавшихся, чтобы купить такую книгу и потратить время на ее чтение? Ответ на этот вопрос — во всяком случае гипотетический — был получен мною в Москве.

Когда я обучаю работе с цветом, я предпочитаю работать с маленькими группами, как правило, из семи человек. Но иногда мне приходится выступать перед большой аудиторией. В таких случаях я обычно прошу слушателей ответить на ряд вопросов, чтобы понять, каков уровень их подготовки и какие примеры лучше демонстрировать для них. Один из наиболее важных вопросов звучит так: «Многие привыкли работать в RGB и не очень комфортно чувствуют себя в CMYK. Другие — наоборот. Я не спрашиваю, какое цветовое пространство позволяет получить лучшие результаты или является предпочтительным с технической точки зрения, но я хотел бы знать, в каком пространстве удобнее работать лично вам: в RGB или в CMYK?» Полученные ответы позволяют определить состав аудитории: входят ли в нее в основном те, кто готовит файлы к печати, или же большинство составляют фотографы и люди, для которых работа с цветом является хобби. В Северной Америке слушатели обычно делятся поровну между CMYK- и RGB-пользователями.

В 2003 году на семинаре в Москве я задал тот же самый вопрос, однако из зала раздалась выкрики: «А как насчет LAB?» Поскольку я находился в иностранном государстве, то не мог позволить себе проявить по отношению к слушателям некорректность и включил в свой маленький список еще и LAB. Ответы и здесь распределились поровну: треть аудитории предпочла RGB, еще треть — CMYK и оставшаяся треть — LAB. Это удивительный результат, который, по моему глубокому убеждению, не мог быть повторен больше нигде в мире.

Почему же столь экзотическое цветовое пространство в России популярно так, как ни в одной другой стране? Я вижу три возможные причины. Во-первых, русским читателям хорошо известны прекрасные переводы моих статей в журнале «КомпьюПринт», в которых я постоянно ратовал за широкое применение LAB. Во-вторых, пространство LAB является настолько сложным, что только серьезный студент сможет в совершенстве овладеть им, а весь мир знает, что русские именно таковы. В-третьих, живя в стране, где многие вещи, которые считаются сами собой разумеющимися в других местах, не работают должным образом, русские развили уникальную способность обнаруживать и использовать те методы, которые действительно работают.

И я думаю, что наибольшую роль сыграл именно третий фактор. А коль скоро многие русские быстро разобрались, насколько эффективно пространство LAB, то почему бы и остальному миру не понять того же самого?

Итак, я начал работу над этой книгой, чувствуя себя в долгу перед Россией, причем не только по этой причине. Две мои поездки в эту страну в 2003 и 2004 годах стали итогом почти девятидесятилетней подготовки к данному событию всей моей семьи.

* * *

Мое генеалогическое древо, как и у большинства американцев, имеет разные корни. Предками матери были шотландцы, которые прибыли в Соединенные Штаты в восемнадцатом веке. В пятидесятых годах девятнадцатого они осели в регионе, называвшемся Индейской Территорией до тех пор, пока в 1912 году он не стал штатом Оклахома. Так что можно сказать, что они были настоящими ковбоями. Некоторые мужчины, включая моего прапрадеда, были женаты на индианках. Вероятно, этим и объясняется красноватый оттенок моей кожи. Погибнуть в те времена ничего не стоило. К примеру, мой прапрадед был убит в 1892 году в такой же точно перестрелке, какими сегодня изобилуют многочисленные вестерны.

Семейство моего отца прибыло из других мест, где потерять жизнь было еще легче, а именно из России времен Октябрьской революции. Дед тогда сделал большую ошибку, поддержав режим Керенского, и через очень короткое время понял, что лучшее, что он теперь может сделать, — это поскорее покинуть страну. Он взял с собой маленькую дочь, мать которой к тому времени уже умерла, и свою вторую жену — мою бабушку.

Семейство Маргулисов обосновалось в Нью-Йорке. В 1922 году в нем появилась еще одна дочь, а в 1924-м родился мой отец.

Семьи, которые эмигрируют в Соединенные Штаты сегодня, стараются сохранить культурные связи со своей исторической родиной. Детей обычно

учат говорить на обоих языках. Но во семьдесят лет назад это не практиковалось. Не только русские, но и большинство других эмигрантов полагали, что их дети должны воспитываться как настоящие американцы, разговаривая только по-английски. Поэтому несмотря на то, что в нашем доме было трое русских, ни моего отца, ни тетку никогда не учили родному языку их родителей.

Если бы мой отец родился в России, его назвали бы Владимиром в честь деда. Родители хотели дать ему похожее, но американское имя. И они выбрали Уолдо — имя, которое является не совсем обычным, но имеет длинную историю. Еще до того, как моя страна стала независимой, жил некий Уолдо, и он был настолько хорошим человеком, что люди стали называть детей в его честь: вы, может быть, даже слышали об известном американском эссеисте девятнадцатого века Ральфе Уолдо Эмерсоне. Сегодня уже никто не помнит точно, что именно сделал этот самый мистер Уолдо, но характеристика хорошего человека закрепилась за ним навечно.

Как вы понимаете, мой дедушка не мог быть большим поклонником советского правительства. К его большому сожалению, в тридцатых годах его российско-американская дочь вышла замуж за русского иммигранта, который не только был настроен просоветски, но еще и являлся членом Коммунистической партии США.

Когда семья собиралась за праздничным столом, эти двое — дед и его зять — старались не касаться различий в своих политических взглядах. Но, как это обычно бывает, после нескольких стаканов водки запретная тема неизменно всплывала из глубин сознания. Мужчины вначале говорили по-английски, чтобы их могли понимать американские дети. Однако по мере того, как градус спора повышался, они начинали чувство-

Нью-Йорк, 1936 год. Слева направо: мои бабушка и дедушка; их родившаяся в Америке дочь; мой отец; его сестра, рожденная в России, со своим мужем, чьи политические баталии с моим дедом были моими первыми уроками русского языка.

вать, что их английский язык не содержит достаточного количества ругательств, и постепенно переходили на русский. Эти словесные баталии продолжались на протяжении двадцати с лишним лет. Поэтому когда я был маленьким мальчиком и моя бабушка потчевала меня своим вкуснейшим борщом, я считал, что русский — это очень громкий язык.

Непрерывные споры о методах управления страной между людьми, которые не были там уже более тридцати лет, сегодня могут показаться смешными. Но в то время, когда я был еще слишком юн, чтобы понимать смысл происходящего, эти прения, вероятно, не особенно смешили моего отца.

Как и в российской истории, в истории Соединенных Штатов бывали периоды, когда политическая ситуация становилась хуже, чем обычно. Насколько я знаю, самый позорный период всей нашей истории был в пятидесятых годах, которые пришлось на мое детство. Некоторые политические деятели тогда громко и ясно объявили, что американское правительство наводнено советскими агентами. Это открытие вызвало такой ажиотаж, что никто не потрудился проверить, а была ли в нем хоть толика истины. Большевиков начали искать повсюду. Вместо того, чтобы ссылаться на Советский Союз, тогда говорили о «международном коммунистическом заговоре».

Если бы эффективность, с которой советское правительство управляло экономикой, составляла хотя бы сотую долю процента от той, что ему приписывалась в управлении этим заговором, история пошла бы по другому пути. Вы только представьте себе: заговор, которым так хорошо управляют, что его никто не может обнаружить, и при этом настолько опасный, что угрожает самому существованию Соединенных Штатов!

Все американские правительства, как известно, были настроены решительно антисоветски с момента Октябрьской революции. Однако была существенная прослойка американского общества, особенно среди интеллигенции, которая имела противоположное мнение, по крайней мере, в тридцатые годы и во

Индейская Территория, 1890 г. Прабабушка моей матери. Когда я в 1998 году опубликовал этот снимок в своей книге, моя тетья, которой к тому времени исполнилось 76 лет, принесла мне портрет ее собственной прапрабабушки, представленный на следующей странице.

время войны. Некоторые из этих людей даже вступили в коммунистическую партию. Но к тому времени, когда был обнаружен мнимый заговор, они по большей части изменили свои воззрения, потому что Сталин стал чрезвычайно непопулярен в Соединенных Штатах.

Люди, которые раньше сочувствовали Советскому Союзу, оказались перед трагическим выбором. Их обвинили в нелояльности, и многие лишились средств к существованию. Они могли получить прощение только в том случае, если бы назвали имена других секретных членов международного коммунистического заговора. В результате было оговорено много невинных людей, которым, в свою очередь, грозили большие неприятности, если они тоже не назовут других «заговорщиков», — и колесо завертелось. По моим оценкам, в то время было приблизительно 20 000 действительных членов коммунистической партии и 20 000 000 человек, которых обвинили в том, что они коммунисты.

Этот период был труден для писателей и других представителей творческих профессий. Насколько вы знаете, далеко не всем нравятся мои книги. Все, что сегодня могут сделать мои недоброжелатели, — только ругать меня в Интернете. В пятидесятые годы, они, возможно, избавились бы от меня более простым и эффективным способом, послав моему издателю анонимное письмо, где сообщалось бы, что десять лет назад некоторые из моих друзей были коммунистами. И этого было бы достаточно. Никто не посмел бы издавать книги автора, лояльность которого находится под сомнением.

Но еще более трудным это время было для тех, кто пытался получить работу в государственном учреждении, как мой отец. Кандидатам показывали списки тысяч организаций, которые могли быть связаны с коммунистами, и спра-

шивали, не имели ли они сами или кто-нибудь из их знакомых каких-либо отношений с любой из этих организаций. Федеральное бюро расследований изучало связи не только самого претендента, но и его друзей и родственников.

Тот факт, что у него русские родители, хотя бы и антисоветски настроенные, должно быть, сильно затруднил положение моего отца. Но у него в семье (редкое «везение»!) был самый настоящий коммунист, так что его шансы найти работу становились совсем прозрачными. Однако это всего лишь мои догадки, поскольку отец никогда не рассказывал мне о том времени.

И тем не менее в 1962 году его все же приняли на работу в компанию, выполнявшую заказы для американского военно-морского флота. Отец должен был проектировать субмарины, предназначение которых заключалось в том, чтобы однажды запустить ракеты с атомным зарядом в направлении родины его родителей. Естественно, эта работа была связана с некоторыми ограничениями. Хотя моему отцу разрешалось выезжать из Соединенных Штатов, ему было запрещено посещать Советский Союз. Этот запрет распространялся также и на остальных членов семьи, включая меня. Но, как известно, запретить — значит спровоцировать желание любыми путями завладеть запретным плодом. И мой отец много лет пытался найти способ попасть в Россию, но все его попытки так и остались безуспешными.

Тем временем еще одна связь с Россией неожиданно возникла из самого невероятного источника — семейства моей матери, которая была такой же русской, как Джордж Буш. Вглядитесь в изображение, которое я опубликовал еще в 1998 году в книге «Photoshop 5 для профессионалов». Женщина на снимке — моя прапрабабушка со стороны матери. Когда это изображение

было опубликовано, моя тетя обвинила меня в том, что я игнорирую отцовскую линию семьи. Она принесла мне снимок прапрабабушки со стороны отца, потребовав, чтобы я напечатал его в следующей своей книге.

* * *

Любые обобщения по поводу того, что и как думают русские, американцы или китайцы, всегда опасны. Но справедливости ради надо отметить, что некоторые исторические факторы влияют на наши воззрения даже сегодня. Многие из первых поселенцев моей страны были вынуждены оставить Англию, потому что посмели критиковать правительство. Отсюда ясно, почему даже 400 лет спустя в американской культуре так высоко ценится возможность сказать пуб-

Где-то в России, примерно 1880 г. Прапрабабушка моего отца. Ее портрет еще раз встретится в главе 11 этой книги. Обратите внимание, как она похожа на моего дедушку.

лично, что в правительстве сидят дураки (хотя возможно, именно сегодня подобное заявление является истинным, как никогда). И нам трудно понять, что в большинстве других культур такой возможности не придается решающего значения.

Еще важнее, что Соединенные Штаты никогда не переживали длинных периодов национальных бедствий, чего, к сожалению, нельзя сказать о России. У нас всегда было в достатке хлеба и земли. С 1812 года на нашу территорию не вторгалась ни одна иностранная держава. Но и та война, как и все другие, в которые мы были вовлечены впоследствии, причинила населению относительно незначительные неудобства даже по сравнению со странами Западной Европы, не говоря уже о России. Мы не голодали даже в самые трудные с точки зрения экономики времена, у нас никогда не было продолжительных периодов смуты и беззакония, мы не имели чрезмерно жестоких правителей, и количество политических заключенных у нас всегда было минимальным.

Насколько я знаю, было только два исключения во всей нашей истории, и оба они затрагивали лишь отдельные регионы. Первый такой период случился сразу после окончания гражданской войны в 1865 году, когда некоторые области побежденных южных штатов испытали немалые лишения. Второй период затронул жизнь моей матери. Великая депрессия 1930-х вызвала коллапс экономики. Жизнь была трудна в каждом регионе Соединенных Штатов. Люди теряли не только работу, но и жилье. Некогда преуспевающие бизнесмены вынуждены были продавать яблоки или карандаши на улице. И все же несмотря на экономические проблемы, этот период нельзя расценивать как национальную катастрофу — за исключением Оклахомы, где как раз в то время росла моя мать, и не-

скольких соседних штатов. Этот сельскохозяйственный регион поразила жесточайшая засуха, и в течение нескольких лет там не было дождей. Ветер поднимал выжженную землю, создавая пыльные бури такой силы, что не было видно солнца. Бури продолжались в течение многих месяцев, не позволяя местным фермерам даже выйти из дому, потому что на улице просто нечем было дышать. Больные поумирали, а здоровые сильно голодали.

Чтобы выехать за пределы штата, отчаявшиеся оклахомцы брали штурмом любое транспортное средство. Оказавшись в положении изгнанников, они столкнулись с самыми уродливыми сторонами капиталистической системы. Крупным предпринимателям был на руку приток дешевой рабочей силы — ведь голодающие соглашались работать за самую мизерную плату. Беженцев сгоняли в лагеря, построенные крупными промышленниками, где их избивали, а то и убивали полицейские, состоявшие на содержании у компаний. Если же они покидали лагерь, их могли избить или застрелить местные жители, которые считали, что из-за них лишились работы. Это было ужасное время, и большинство американцев до сих пор не верит, что все действительно так и происходило.

Моя мать, как вы догадываетесь, никогда не рассказывала мне об этом периоде своей жизни. Однако, став взрослой, она приобрела весьма неординарные политические взгляды — не просоветские, но антикапиталистические. Она стала интересоваться русской литературой XIX—XX веков и этот интерес передала своим детям. Моя младшая сестра в университете специализировалась на изучении русского языка. В рамках данного курса студенты должны были на время занятий выбрать себе российские имена. Но сестра пошла еще дальше. Если мой отец имел американское имя, которое его

родители использовали как замену имени русского, то она решила заменить российским именем американское, данное ей при рождении. Официально ее зовут Абигейл, но после окончания университета и друзья, и родные звали ее Ася.

Моя мать была школьной учительницей, а когда в 1989 году она вышла на пенсию, они с отцом уже жили раздельно. Она бросила свою квартиру и почти все имущество, купила маленький фургон, загрузила в него кое-какие пожитки и уехала к индейцам. Оставшиеся пять лет своей жизни мама провела в индейской резервации, на добровольных началах обучая детей.

Отец уволился с работы в 1984 году. А десять лет спустя он был официально уведомлен о том, что правительство больше не считает, будто он располагает какими-либо знаниями, которые могут представлять интерес для врагов государства. Кроме того, официальные лица, видимо, уже прочли в газетах, что Советского Союза больше нет, — факт, который до сих пор неизвестен некоторым американским военным. Поэтому правительство уже не возражало против возможного визита отца в Россию. К сожалению, ему было уже 70 лет, и он не мог совершить такую поездку.

Что же касается меня, то я тогда не очень стремился в Россию. В советское время у меня не было желания изучать то, что показывали иностранным гостям гиды «Интуриста». Но и позже, когда появилась возможность путешествовать самостоятельно, я все никак не мог решиться на поездку, потому что не был знаком лично ни с одним русским и считал (в значительной мере я так считаю и сегодня), что иностранец, который пытается самостоятельно путешествовать по России, не зная русского языка, испытывает больше проблем, чем двадцатилетние «Жигули».

В 1994 я начал вести журнальную колонку *Makeready*. Она быстро стала популярной, и со временем в нескольких европейских странах, в том числе и в России, появились ее переводные версии. Однажды я заметил, что получаю значительно больше писем от русскоязычных читателей, нежели из других государств, где публиковались мои статьи. И это при том, что электронная почта в России тогда была намного дороже, чем в Западной Европе, да и в надежности сильно уступала. Кроме того, многие мои корреспонденты испытывали серьезные проблемы с английским языком. И тем не менее я не просто получал множество комментариев, но они в техническом отношении были более грамотными, нежели те, что приходили из других стран. У меня зародилось подозрение, что общепринятое мнение о русских как о серьезных специалистах в технических науках является вполне обоснованным.

В конце 1997 года издатель журнала «КомпьюПринт», в котором публиковались мои статьи, был по делу в Соединенных Штатах. Заодно он хотел встретиться со мной и поговорить о возможности издания на русском языке моей книги «Photoshop для профессионалов». Поскольку я живу недалеко от Нью-Йорка, этот вопрос было удобно обсудить в моем доме. Здесь с помощью бутылки очень хорошего старого канадского виски мы стали друзьями, и он не замедлил пригласить меня в Россию.

К сожалению, случившийся вскоре экономический кризис в Российской Федерации сделал такую поездку маловероятной. Поначалу трудно было получить объективную информацию о происходящем, поскольку американские газеты полагали, что все проблемы экономики автоматически решились после падения советского режима, а такие вещи, как крах банковской системы, — не более чем мелкие неприятно-

Москва, 2003 г. Цвет моей кожи явно пришел с Индейской Территории, но черты лица мне достались от моей прапрабабушки.

сти. Но мне тогда удалось побывать в других странах, где информация о том, что же произошло в России, была более точна. Когда ситуация нормализовалась, мы вновь стали обсуждать возможность моего приезда. Однако прошло несколько лет и несколько фальстартов, пока наконец мы не договорились, что я выступлю на презентации русского издания книги «Photoshop для профессионалов» во время выставки «ПолиграфИнтер-2003».

Поездка в Россию потребовала адаптации к некоторым культурным нормам. Чтобы получить визу, американские граждане должны посетить российское консульство. Очереди туда довольно длинные, персонал не слишком любезен, и всегда есть вероятность то-

го, что консульство вдруг на какое-то время закроется по техническим причинам. С другой стороны, как это часто бывает в России, есть и более приятная альтернатива. Некое туристическое агентство имеет тесные дружеские отношения с определенными людьми из консульства. За небольшую плату все проблемы легко могут быть решены, причем в консульстве вам вообще не нужно появляться.

Мы с женой прилетели рейсом американской авиакомпании во Франкфурт, где должны были пересесть на самолет «Аэрофлота». В списках на московский рейс мы не значились, хотя билеты в руках держали самые настоящие. Я заспорил было с сотрудниками «Аэрофлота» по-немецки, полагая, что по-английски они могут и не говорить. Однако я оказался не прав: английским они владели в совершенстве. А вот русского не знали вообще, так что российские граждане, возвращающиеся в Москву, должны вести переговоры с агентами «Аэрофлота» или по-английски, или по-немецки.

После того как необходимые формальности были соблюдены, мы сели в самолет и прилетели в столицу России. Там обнаружилось, что наш багаж утерян. И тогда выяснилось, что если во Франкфурте никто из сотрудников «Аэрофлота» не говорит по-русски, то в Москве нет ни одного служащего, который говорил бы на каком-либо языке, кроме русского.

Наконец все проблемы были улажены, в наши паспорта поставлены печати, и двери во внешний мир открылись. Итак, спустя 85 лет семейство Маргулисов вернулось на родину.

* * *

Я думаю, не имеет смысла долго рассказывать российским читателям, как выглядят со стороны страна, народ, и на что похожа текущая экономическая

и политическая ситуация. Лучше я сразу перейду к семинарам. Оказывается, подобно тому, как американцы ценят свое право прерывать политиков и называть их дураками, русские не упускают возможности прервать лектора и называть его дураком всякий раз, когда думают, что он не прав. Кроме того, я узнал, как много российских пользователей Photoshop уже работают в LAB. Вот тогда-то и созрела идея написания этой книги.

Семинар прошел успешно, и я получил приглашение вернуться следующей весной, чтобы выступить на выставке «Фотофорум». Так что к моменту отъезда я уже знал, что вернусь — на сей раз один, без жены. Я провел в России почти две недели и должен был потратить еще три, рассказывая все, что видел, моему отцу. Его живо интересовали все подробности, но еще больше он радовался тому, что я снова поеду в Россию. К сожалению, вскоре его самочувствие резко ухудшилось. В декабре 2003-го он прошел медицинское обследование, результаты которого были неутешительны. У него обнаружили рак, который быстро прогрессирует. Врачи полагали, что жить ему осталось не более двух месяцев. Они ошиблись совсем ненамного.

К середине февраля отец сильно ослаб, и иногда сознание оставляло его. Было ясно, что жить ему осталось чуть дольше, чем предполагали доктора. Поэтому мы начали думать об отмене визита в Россию, чтобы я мог провести с ним его последние дни.

Отец очень рассердился, когда услышал об этих планах. Он настаивал, чтобы поездка обязательно состоялась. Он несомненно хотел бы, чтобы я остался, если бы это была любая другая страна, а не Россия. Он даже заставил мою жену и сестер дать слово, что те ничего не скажут мне, если во время моего отсутствия его состояние ухудшится.

Первого апреля я уехал в аэропорт. И в тот момент, когда я сел на самолет, мой отец скончался. Согласно его пожеланиям мне ничего не сказали, пока я не вернулся в Соединенные Штаты. Все это время жена просто говорила мне, что изменений в состоянии нет. Вероятно, я был довольно рассеян во время этой второй поездки, поскольку подозревал, что может произойти в мое отсутствие. Но было у меня два утешения: во-первых, ситуация была настолько плоха, что оставалось только надеяться, что его страдания скоро закончатся. А во-вторых, давая свое благословение на поездку, мой отец Уолдо, помня о своей российской родословной, настоял на специальной договоренности. Она заключалась в следующем: он давал мне свое разрешение покинуть США несмотря на его серьезную болезнь, но, если русские будут спрашивать, как меня зовут, я должен отвечать: Дэн Владимирович. Так что если бы вы задали мне этот вопрос, я бы дал на него такой ответ.

Я пишу эти строки в конце сентября 2005 года, воспользовавшись паузой, необходимой для завершения перевода книги на русский язык. В Соединенных Штатах книга продается вот уже около полутора месяцев, и за это время произошло нечто экстраординарное.

Дэвид Бидни действительно был не прав. И издатель, и я, конечно, ожидали, что книга будет успешной, — но мы и понятия не имели, до какой степени. В начале сентября мы собирались представить книгу на выставке Photoshop World. Но еще до ее открытия издатель вынужден был напечатать дополнительный тираж, потому что это была самая продаваемая книга не только в области Photoshop, но и вообще среди литературы по компьютерам и Интернету.

Даже сейчас, когда я пишу эти строки, ее можно получить в Соединенных Штатах не раньше, чем через две недели после заказа. Онлайн-комментарии читателей беспрецедентны не только по количеству, но и по их позитивности. Многие отмечают, что книга революционизировала их рабочий поток. Поэтому в 2006, когда мне снова предстоит выступить на крупных семинарах в Соединенных Штатах, я ожидаю, что на мой стандартный вопрос, в каком пространстве — RGB или CMYK — слушатели предпочитают работать, значительная часть ответит: «ни там, ни там». Они скажут, что работают в LAB, так же как в свое время это было в России.

Я хотел бы поблагодарить издателя журнала «КомпьюПринт» Валерия Геннадьевича Погорелого за то, что он открыл для меня возможность посетить Россию. Должен также выразить благодарность Николаю Анатольевичу Малухину, который сделал очень много, чтобы мой семинар на выставке «Фотофорум» прошел успешно.

Оставим Photoshop. За эти две поездки я получил массу впечатлений. В некотором отношении я был готов к этому: моя мать, как я уже отмечал, привила мне вкус к русской литературе, так что Толстой, Достоевский и Гоголь — мои старые друзья. Кроме того, я учился классической музыке, где в течение двадцатого столетия доминировали русские композиторы. Все это хорошо известно в Соединенных Штатах, но там почти ничего не знают о российских традициях в живописи и других графических искусствах.

Так вот, за то, что помогли мне узнать эту важную область культуры и существенно обогатили мои знания в области российской истории, я особенно хочу поблагодарить двух человек, которые были моими гидами в Москве и ее окрестностях: это жена Валерия Татьяна Валентиновна и их сын Михаил.

Когда я читаю лекции в других странах, я стараюсь делать это на местном языке. Пока что, помимо английского, я уже вел занятия на испанском, итальянском и немецком. Нельзя сказать, что я говорю на этих языках очень хорошо, но все же меня можно понять. Альтернативой является весьма плохой перевод, потому что мои демонстрации динамичны, и если переводчик отстает — результат будет печальным. Я использую много технических терминов, которые неизвестны профессиональным переводчикам; а кроме того, попытки моей матери убедить меня использовать в своих выступлениях литературную форму английского языка не увенчались успехом. Я говорю и пишу на языке улицы, содержащем много слов и выражений, которых не найдешь в словарях, как уже не раз с раздражением замечали переводчики моих книг.

Исходя из этого я решил, что должен непременно говорить по-русски, и купил две объемные книги, которые были призваны помочь моему обучению. После нескольких часов усердного чтения я понял, что есть только два препятствия моему плану: во-первых, слишком мало водки, а во-вторых, слишком мало соленых огурчиков. А кроме того, я пришел к выводу, что тот, кто изобрел грамматику этого языка, был весьма неуравновешенным субъектом.

Семинары были спасены не профессиональным переводчиком, а профессиональным пользователем Photoshop'a Андреем Сергеевичем Хлудеевым из бывшей столицы Казахстана Алматы. Он ранее посещал мои занятия в Канаде, так что мой английский язык понимал хорошо. К тому же мы — большие друзья. Он согласился приехать в Москву, чтобы быть переводчиком во время обоих моих визитов в Россию, и замечательно справился с этой работой, что по достоинству оценила аудитория. А кро-

ме того, он был моим личным гидом по Санкт-Петербургу.

* * *

Трудности с русским языком не являются для моего семейства чем-то новым. У моей бабушки был младший брат Гриша, который прибыл в Соединенные Штаты значительно позже нее. Он женился на эмигрантке из Австрии, так что у него практически не было возможности поговорить по-русски со своими детьми, потому что мать не понимала бы их.

Хотя его дети приходится моему отцу двоюродными братьями, они всего на несколько лет старше меня. Гриша умер более 20 лет назад. Его сын, Марк Гальперин, стал поэтом и преподает в университете штата Вашингтон на северо-западе США. После смерти отца он заинтересовался своей родословной и русским языком. Он изучал его довольно интенсивно в течение многих лет и сегодня иногда занимается профессиональными переводами. Поэтому Марк очень сочувственно отнесся к моим попыткам изучения русского языка. Он сказал, что я не должен унывать, потому что только

Бог говорит по-русски правильно, но даже он порою испытывает сложности с некоторыми формами глаголов.

Мать Марка, к сожалению, не одобряла его увлечения русским языком и всегда критиковала его за то, что он так много времени тратит на это бесполезное, по ее мнению, занятие. Будучи примерным сыном, Марк старался не отвечать ей в резкой форме, но в конце концов любому терпению наступает предел. Когда в очередной раз, обозвав его сумасшедшим, мать спросила, зачем он растрчивает впустую свое время, изучая русский язык, Марк ответил ей: «Я учу для того, чтобы попав после смерти на небеса и встретив там своего отца, я смог бы поговорить с ним по-русски».

Мать отвечала: «Прекрасно. И что ты будешь делать, когда твой отец ответит: Что такое? Мой английский язык недостаточно хорош для тебя?»

К счастью, читатель, когда мы с вами встретимся на небесах, у нас не будет такой проблемы в общении, потому что все мы будем говорить на одном языке. И это будет язык LAB.

*Дэн Маргулис,
Мэпплвуд, сентябрь 2005*